
Ф. М. АСАДОВ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ХАЗАР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В XX ВЕКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье по материалам публикаций второй половины XX в. рассматривается взаимодействие археологов и исследователей письменных источников по истории хазар и хазарского каганата. Отслеживается полемика в советской и постсоветской русскоязычной литературе по поводу достоверности данных, предоставляемых письменными памятниками, а также о том, насколько данные археологической науки могут быть предпочтительнее для дальнейшего изучения общественно-политической и религиозной ситуации в Хазарском каганате в конце IX – первой половине X вв. Определяются возможности и перспективы археологических работ по пополнению сведений по истории хазар. Характеризуются тенденции по укреплению сотрудничества между археологами и источниковедами в последние десятилетия XX в. и в первое десятилетие XXI в. Объясняются причины разнообразия концепций истории и исторического значения Хазарского каганата, связанные с актуальностью хазароведческой проблематики. Устанавливается связь между проблемами современных международных отношений и политики со взглядами историков на значение хазар в истории современных народов Евразии и, вместе с тем, освещаются эпизоды международного сотрудничества в программах и проектах хазарской археологии и хазарской историографии. Известия письменных источников об обращении хазар в иудаизм помещаются в контекст противоречий археологических данных со свидетельствами письменных памятников о смене официальной веры в Хазарском каганате. Со ссылками на основополагающие публикации по методологии изучения истории хазар и о задачах хазарской археологии представляется наиболее оптимальная линия разграничения сферы археологии хазар и хазарской историографии.

Ключевые слова: хазары, иудаизм хазар, археология хазар, письменные источники о хазарах, салтово-маяцкая культура

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.009>

Цитирование: Асадов Ф. М. Археология и источниковедение в изучении истории хазар: взаимодействие в XX веке и перспективы сотрудничества // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 141-146.

НАЛИЧИЕ письменных свидетельств – огромное преимущество для исследователя истории народов и государств. Археология на территории существования исчезнувшего государства, этнография народов, ныне проживающих на его землях, и лингвистика способны предоставить артефакты и соображения, существенно дополняющие картину, представляемую памятниками письменности. Но даже добросовестно и логически аргументированная интерпретация материалов этих вспомогательных источников не может быть достаточной основой исторического исследования. С другой стороны, и в письменных источниках, как заметил Л. Н. Гумилев, «сказано не все» (Гумилев 1989: 124).

Рассуждать о значении и взаимодействии этих основополагающих исторических дисциплин лучше на примере изучения истории конкретной проблемы, реальной истории какого-либо народа и государства. В данной публикации такая попытка будет предложена в контексте изучения хазар и Хазарского каганата. Для раннего средневековья, времени, когда возникло и пришло в упадок Хазарское государство, основными источниками наших знаний о хазарах, безусловно, являются письменные памятники.

Изучение истории хазар сопряжено с дебатами о ранних формах государственности у различных евразийских народов – восточных славян, болгар, венгров, истории государственности

у тюркских народов Поволжья, тюрков-огузов, кипчаков и народов современного Северного и Южного Кавказа. Свидетельства письменных источников создают возможности для различных историографических интерпретаций.

Информация письменных памятников о принятии иудаизма хазарской элитой добавляют религиозно-политические мотивы в дискуссию о роли хазар в истории ранней государственности у евразийских народов, в частности у восточных славян. По этим причинам в бывшем СССР хазарская тематика была не популярным, но остро чувствительным направлением историографии.

После распада СССР интерес к истории хазар возрос многократно. Тема приоткрылась для национальных историографий тюркских народов. В постсоветской российской исторической науке вопросы хазароведения стали предметом новых подходов, заинтересованного обсуждения с коллегами из разных стран. Появились условия для плодотворного обмена мнениями и сотрудничества.

Крупным событием мирового хазароведения был Международный коллоквиум в Иерусалиме в 1999 г., организованный усилиями американских и израильских востоковедов в тесном сотрудничестве с российскими учеными. Этот масштабный хазароведческий форум собрал специалистов разных областей исторической науки, археологов и источниковедов. После него началось тесное сотрудничество хазароведов различных стран в работе над обнаружением и сохранением памятников хазарской материальной культуры. Израильские, российские и украинские ученые совместно работали в двух основных направлениях: в издании научной литературы об истории иудаизма и евреев в России и в историко-археологическом «Хазарском проекте». Наиболее крупные экспедиции, финансируемые из «Хазарского проекта», – это раскопки городища Самосделка недалеко от Астрахани, где предполагалось обнаружение хазарской столицы Итиль, и археологические работы по аланскому поселению Горное Эхо. Аланы, как известно, были союзниками хазар в статусе достаточно надежных федератов каганата (Сатановский 2010).

Не следует, однако, думать, что в развитии прежде советского, а теперь и российского востоковедения произошла полная трансформация от политически отягощённых установок к свободному научному сотрудничеству и взаимопониманию с коллегами за рубежом. Для понимания атмосферы, господствующей в российском хазароведении сегодня, целесообразно вернуться к центральной фигуре российской науки в области хазарских исследований – к замечательному ар-

хеологу и историку М. И. Артамонову. К хазарским исследованиям ученый шел двумя путями: через сбор и систематизацию археологических находок и освоение данных письменных источников. Причем в первом случае российский археолог сделал большой вклад в обнаружение новых данных – он был руководителем советских археологических экспедиций в зоне Придонья, в частности в уникальном, ныне уже утерянном для археологии, левобережном салтово-маяцком городище, надежно идентифицированном с хазарской крепостью Саркел¹. Его публикации о Саркеле остаются непревзойденными и служат первоисточником для всех исследователей, имеющих намерение обращаться к археологическим свидетельствам Хазарии (Артамонов 1935; Артамонов 1956).

В личности и творчестве Артамонова, таким образом, пересеклись все основные тенденции дальнейшего развития российского хазароведения.

Во-первых, это продолжение археологических работ по обнаружению памятников материальной культуры хазар, их описание, систематизация и анализ. Эта линия является важнейшей прерогативой российских ученых, поскольку практически все перспективные участки археологии хазар располагаются на территории Российской Федерации. М. И. Артамонов в этом направлении был лидером на всех участках: обнаруживал и вводил в оборот новые артефакты, анализировал и синтезировал их с данными письменных источников в своих исторических трудах. Археологическое наследие территории Хазарского каганата VIII–IX вв. стало направлением в развитии российской археологии в начале XX в., когда в 1900 г. учитель Верхне-Салтовской школы В. А. Бабенко обнаружил на правом берегу Северного Донца теперь широко известный Салтовский могильник. И хотя М. И. Артамонов не был первым археологом, поставившим проблему общих характерных черт материальной культуры периода хазарского доминирования на юге Восточной Европы, ему принадлежит особая заслуга в постановке вопроса и продвижении проблемы археологической культуры волго-донских и кавказских степей, разработанной его учениками и последователями в виде концепции салтово-маяцкой археологической культуры хазарского времени (Плетнева 1967: 3–10; Плетнева 1999: 21–39; Флёров 1983: 103–108). Мировая наука в

¹ В 1952 г. территория городища Саркел была затоплена в ходе строительства и заполнения Цимлянского водохранилища. Экспонаты археологических экспедиций хранятся в Эрмитаже и в местном музее города Новочеркасска.

вопросах, связанных с развитием хазарской археологии, находится в зависимом отношении от работы российских ученых.

Во-вторых, это признание важного значения Хазарского каганата как первого государства на европейской территории России, имевшего большое влияние на создание государственности многих современных народов этого региона. Особенностью этой традиции является последовательная работа по сбору, изучению и публикации письменных свидетельств из различных источников. Деятели этого направления российской науки были и есть интегрированная часть международного научного сообщества исследователей Хазарии. Вклад М. И. Артамонова здесь заключался в систематизации и анализе имеющихся в научном обороте свидетельств. Однако М. И. Артамонов признавал, что не считает себя достаточно подготовленным для критического анализа письменных источников (Артамонов 1936: VII). Как отметила С. А. Плетнева, прославленный археолог, тем не менее, очень усердно работал над имеющимися переводами, взаимодействовал с коллегами-востоковедами для уточнения значений письменных свидетельств. И в результате его книга включает в себя очень полезный обзор источников по истории хазар с информативными оценками свидетельств средневековых авторов (Плетнева 2002: 17–18). Обстоятельный обзор и характеристику письменных источников о хазарах можно найти в начале монографии М. И. Артамонова (Артамонов 2002: 36–53).

После М. И. Артамонова в российской историографии хазар, можно сказать, не было фигуры способной сочетать оба направления исследования в своем творчестве. И работу российских востоковедов по истории хазар можно раскладывать по указанным выше линиям развития. Прежде всего, можно предполагать, что прямого административного давления не стало, и российские ученые определяли свое отношение к теме сообразно своему выбору и, можно сказать, свободно реагируя на доминирующие настроения или приоритеты российской политики и политиков.

Во всяком случае, российская археология продолжала свою работу в более свободных условиях и, как мы видели, в сотрудничестве с израильскими коллегами и частным сектором. Наряду с этим, нельзя не отметить и того, что умножение археологических работ постепенно приводило к расхождению усилий российских хазароведов. Практически ни один российский исследователь в период после выхода книги М. И. Артамонова не ставил задачи синтезировать достижения археологии и анализ письменных источников о хазарах. Возможно, на это могла бы претендовать

книга ученика С. А. Плетневой, дагестанского археолога М. Г. Магомедова. Однако знакомство с его работой убеждает, что ведущей линией исследования у него были результаты археологических раскопок, тогда как работа с источниками имела подчиненное значение (Магомедов 1983).

В наиболее крупной российской работе по истории хазар в период после выхода книги М. И. Артамонова, в монографии востоковеда А. П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» подчеркивается, что после 30-х годов XX века большая часть работ о хазарах была написана археологами. Но если М. И. Артамонов в своей монографии старался посылить поддержать и развивать традицию исследования и обобщения письменных свидетельств, то археологи 70–80-х годов, по мнению А. П. Новосельцева, эти традиции утратили. В процессе описания и введения в научный оборот своих ценных находок они, как правило, не учитывали известий письменных памятников, которые плохо знали, и потому допускали серьезные ошибки в трактовке их содержания. Особенно беспокоило А. П. Новосельцева то, что начиная с 70-х годов прошлого века стали появляться местные периферийные школы археологов, теоретическая и источниковедческая подготовка которых часто бывала недостаточной. К тому же археологические работы местных научных подразделений, были территориально ограничены пределами соответствующих административных единиц, что могло иметь негативные последствия: обнаруженный археологический материал в автономных республиках старались использовать в качестве аргументов для того, чтобы «связать прошлое этих республик с древними, известными из письменных памятников, цивилизациями» (Новосельцев 1990: 3, 59). Эта оценка проявившегося естественного интереса к хазарам у представителей национальных историографических школ вызвала возмущение у упоминавшегося выше дагестанского археолога М. Г. Магомедова, который посчитал возможным назвать подход российского ученого шовинистическим (Магомедов: 1994: 4).

И все-таки причиной неудовлетворительной разработки истории хазар археологами были не столько самостоятельность местной археологии и ее отделение от центра, как об этом сокрушается А. П. Новосельцев, а фундаментальная проблема роли археологии в изучении истории прошлого народов. Советская археология во многом следовала историко-культурной концепции (culture-historical approach) довоенного германского археолога Густава Коссинны (1858–1931), согласно которой отчетливо фиксированные границы ар-

хеологической культуры совпадают с областью проживания и жизнедеятельности определенных народов и племен. И соответственно всегда присутствует соблазн подкреплять аргументами границ археологической культуры давность заселения своей (или еще более обширной) территории собственными предками. Этот феномен был свойственен не только российской и советской археологии, но и археологическим школам, например, Восточной Европы (*Curta* 2005: 6–7).

Тем не менее А. П. Новосельцев слишком строго судил российских археологов за их самонадеянность. Ученик Артамонова Л. С. Клейн, который в 1971 г. раскопал первый так называемый «курган с ровиком», впоследствии соотносимый археологами с захоронениями собственно хазар (*Плетнева* 2002: 29), вполне ответственно подходил к пределам возможностей археологии. Задачей археологии, считал он, является описание и представление материальных предметов и их связи друг с другом, иными словами, археолог должен трансформировать обнаруживаемую связь материальных объектов на язык историков, то есть в мысли и слова. А историк имеет дело с письменным источником, который также является фиксацией слов и мыслей, как и нарративы историографии. Задачей историка, но не археолога, является синтезирование данных всех источников. Но если археологу не терпится поспорить с историками и он желает трансформировать свои находки или собранный археологический материал в историографический продукт, то ему необходимо освоить новую сферу профессионально (*Klejn* 1993: 341–342). Когда же свидетельства письменных источников скудны, значение археологического материала возрастает, и писать историю, опираясь исключительно на письменные источники, бывает недостаточно (*Curta* 2005: 7). Иными словами, перед историками неизбежно встает проблема освоения археологического материала, преподносимого в словах и мыслях самими археологами.

А. П. Новосельцев открыто заявил в своей книге, что его исследование построено исключительно на письменных источниках, но и не отрицал необходимости привлекать данные археологии в историографию хазар. Вместе с тем он вполне обоснованно мог сомневаться в достоверности и надежности той самой трансформации материальной связи предметов в мысли и слова, которую осуществляли археологи, и особенно если они, не довольствуясь этим, брались за историографию. И потому в его книге содержатся достаточно критические оценки публикаций археологов. Сам автор признавал необходимость синтеза данных различных отраслей источников-

ведения, однако, как мы могли убедиться, относился критически к современному для времени его книги состоянию хазарской археологии (*Новосельцев* 1990: 60–61).

С. А. Плетнева (1926–2008), последовательница М. И. Артамонова и ведущий археолог-хазаровед России, со своей стороны отреагировала на работу А. П. Новосельцева, указав, что только археология может представить «живой материал» для истории хазар и что сведения письменных источников «скользят по поверхности истории, задевая только немного возвышающиеся над ней события». А книгу А. П. Новосельцева российский археолог назвала «тенью труда М. И. Артамонова» и в целом еще более критически отзывалась обо всех других больших произведениях по истории хазар, «толкующих и многократно перетолковывающих свидетельства письменных источников». Эти работы, считает С. А. Плетнева, «ничего нового, кроме отдельных уточнений в переводах, никаких ярких открытий ... дать не могут ...» (*Плетнева* 2002: 34).

Работы упоминавшихся выше С. А. Плетневой (*Плетнева* 1967; *Плетнева* 1976; *Плетнева* 1999), М. Г. Магомедова (*Магомедов* 1983), В. К. Михеева (*Михеев* 1985) составляют позднюю классику российской хазарской археологии. Ее развитие было особенно бурным в последние десятилетия. Ситуацию и достижения к началу нового века С. А. Плетнева представила в своей книге «Очерки хазарской археологии». С последними достижениями можно ознакомиться в периодических изданиях.

Через три года после Первого Иерусалимского коллоквиума (1999) в Москве в 2002 г. состоялся Второй Международный коллоквиум по хазароведению. Около 40% прочитанных докладов были археологическими. Преобладание археологической тематики было отмечено организаторами коллоквиума. Анализ тематики и состава участников действительно подтверждает активность местных археологических школ и ученых археологов из Украины и с юга России: очевидно, что именно археология ежегодно расширяет и обновляет информационную базу для изучения истории Хазарии; указывалось также, что историю хазарского каганата как крупной «кочевой империи» следует рассматривать в широком контексте археологического материала и письменных свидетельств по истории Евразии (*Хазары*. 2002: 6).

Среди участников можно было заметить практическое отсутствие представителей дагестанской археологической школы, у которой, конечно, есть большие традиции изучения памятников хазарского периода. В докладах участников

было заметно, что археологи с большим стажем работы по хазарским памятникам – А. И. Айбабин, С. А. Плетнева, В. С. Флеров, В. Е. Флерова, М. В. Горелик и др. – ставили крупные вопросы об археологических свидетельствах касательно пределов политического господства хазар, распространённости иудаизма, возможности выделения собственно хазарского этноса на основе памятников материальной культуры. Можно вместе с тем отметить, что присутствовал и осторожный подход к тому, достаточно ли получено археологических данных для реконструкции миграционных и политических процессов в период господства хазар².

Безусловно, исследователь письменных памятников не может вторгаться в сферу археологии и интерпретировать описанные археологические находки. Однако он обязан учитывать значение находок и основные выводы археологов об их происхождении и связи между собой. Представляется, что данные археологии могли бы помочь установлению хронологических и географических границ Хазарского каганата, прояснению этнического состава и религии населения Хазарии, способах ведения хозяйства и в целом экономики хазар, помочь в понимании отношений городского и кочевнического населения Хазарии, в суждении о существовании хазарской этнической и имперской идентичности.

Хотелось бы завершить напоминованием о перспективах обнаружения новых известий о хазарах, перечисленных в классической работе мэтра современного международного хазароведения Питера Гольдена. Наряду с высказанной надеждой об открытии новых рукописных источников и соответственно новой интерпретации письменных свидетельств о хазарах, особая надежда была возложена на получение новых археологических данных, способных подтвердить или опровергнуть предположения и оценки историков. Лингвистические и этнографические исследования в ареале соприкосновения хазар с предками современных кавказских и других евразийских народов также могут подвести к новым выводам об истории хазар (Golden 1980: 24).

Надежды на археологию оправдываются в последние десятилетия после публикации книги Питера Гольдена. Всех достижений хазарской археологии не перечислить, хотя, наряду с громкими успехами, были и разочарования. Можно сказать, не оправдали или не полностью оправдали себя за 12 лет работы ожидания археоло-

гов, что раскопки на городище Самосделка в 40 км от Астрахани, могли стать открытием столицы хазар города Итиля. Но вот в прошлом году появился новый претендент на местоположение Итиля – раскопки недалеко от села Семибугры в дельте Волги (Соловьев 2020). Что нас ждет впереди: новое разочарование или грандиозное открытие? Сказать трудно, но очевидно, что идет быстрый процесс накопления археологических данных о хазарах и территории бывшей Хазарии, способный предоставить много материала для размышлений и для прорывных выводов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артамонов 1935 – Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л.: Гос. соц.-экономическое изд-во, 1935.
- Артамонов 1936 – Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л.: Соцэкгиз, 1936.
- Артамонов 1956 – Артамонов М. И. Хазарская крепость Саркел // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 7, 1956. P. 321–341.
- Артамонов 2002 – Артамонов М. И. История хазар (Изд. 2-е). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002.
- Гумилев 1989 – Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.
- Магомедов 1983 – Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983.
- Магомедов 1994 – Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-kavkaza&author=magomedov-mg&book=1994>.
- Михеев 1985 – Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского Каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
- Новосельцев 1990 – Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Плетнева 1976 – Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1976.
- Плетнева 1999 – Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 1999.
- Плетнева 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
- Плетнева 2002 – Плетнева С. А. Предисловие // М. И. Артамонов. История хазар. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2002. С. 11–34.
- Сатановский 2010 – Сатановский Е. Я. Хазарский проект. URL: http://sarkel.ru/istoriya/hazarskij_proekt/
- Соловьев 2020 – Соловьев Д. На пороге грандиозного открытия: Археологи начинают раскопки легендарной столицы Хазарского каганата. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/na-poroge-grandioznogo-otkrytiya-arheologi-nachinayut-raskopki>

² См., например: Флерова В. Е. Подкурганские захоронения и ранняя история Хазарии. Негативные вопросы историографии // *Хазары*. 2002: 98.

legendarnoy-stolicy

- Флёров 1983 – Флёров В. С. О хронологии Салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. С. 103–109.
- Хазары 2002 – Хазары. 2-й Международный colloquium. Тезисы. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Еврейский ун-т в Москве. Ин-т славяноведения РАН, 2002.
- Curta 2005 – Curta F. Introduction. / F. Curta (Ed.), East Central & Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. С. 1–41.
- Golden 1980 – Golden P. B. Khazar studies : an historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadâemiai Kiadó, 1980.
- Klejn 1993 – Klejn L. S. To separate a centaurus: on the relationship of the archaeology and history in Soviet tradition. // Antiquity, 63, 1993. P. 339–348.